

Фэн Мин махнул рукой, останавливая Ле Эра, и с самодовольной улыбкой спросил Мяо Гуан:

— Слышала ли принцесса выражение «умереть, сражаясь спиной к реке» [1]?

— «Умереть, сражаясь спиной к реке»?

Увидев, что на лице Мяо Гуан отразилось любопытство, Фэн Мин в душе выкрикнул: «Шоу начинается». Юноша с невозмутимым видом кивнул, подойдя к залитому солнечным светом окну, поднял голову и, немного задумавшись, медленно заговорил:

— Некогда один великий полководец должен был повести армию на роковую битву. Враг был могуч и силён, а армия полководца — слаба. Перед битвой генерал решил разбить на берегу реки лагерь. Многие люди говорили ему, что здесь нет путей к отступлению; если они проиграют битву, то вся армия тотчас же будет уничтожена. Они просили генерала сменить место лагеря. Однако генерал не сдвинулся с места, в конечном итоге его люди всё же остались на берегу, где некуда было отступить. Принцесса, как Вы думаете, правильно ли он поступил? — спросил Фэн Мин, даже не обернувшись и продолжая стоять спиной к Мяо Гуан.

— Это очень рискованно.

— Верно, рискованно, но он победил. — Фэн Мин резко повернулся и с воодушевлением поглядел на Мяо Гуан: — Принцесса поняла, почему он смог победить?

Мяо Гуан задумалась на миг:

— Потому что некуда было отступать и солдаты были вынуждены, не щадя собственной жизни, атаковать врага.

Фэн Мин внезапно захлопал в ладоши, кивая:

— Верно! Потому что некуда было отступать. Сражение спиной к реке вызвало у солдат чувство отчаяния, и они, сражаясь до последней капли крови, разбили противника. Иначе в случае поражения им грозила бы смерть; не имея права на побег, кто будет не сопротивляться? Как могло такое отчаянное войско не победить? — Ни на секунду не прекращая прокручивать в голове отрывок из передачи, что когда-то рассказывала одна известная личность, Фэн Мин глагольствовал, подражая движениям и настроению ведущего. Пристально глядя на Мяо Гуан, юноша медленно проговорил: — Именно эту историю — «Сражение спиной к реке» — принцесса должна запомнить и по возвращении рассказать Жо Яню.

— Зачем нужно рассказывать её старшему брату-императору?

— Поскольку он сражался с нами стоящими спиной к реке. Надеюсь, Жо Янь поймёт, что

людям, которым не оставили никаких лазеек, постепенно загнав их в угол, ничего другого не остаётся, как сражаться, ставя на кон жизнь. Он считал, что, отравив меня, сможет контролировать Силэй, а в результате чуть не погубил как свою, так и жизнь родной сестры. На границах Силэй, если бы он поспешно не бежал, то давно бы пал от руки генерала Туна; если бы Жун Тянь не дорожил жизнью своего слуги и отказался на условие обмена Жо Яня, то боюсь, принцесса на всю жизнь осталась бы в тюрьме Силэй. По возвращении принцессе лучше посоветовать своему старшему брату-императору меньше думать о нападении на Силэй. — Сделав весомое предупреждение, Фэн Мин холодно добавил: — Принцессе также не стоит пытаться рассорить меня с Жун Тянем. Жун Тянь прибегает к довольно необычным стратегиям, он превосходно разбирается в искусстве войны, используя подход «победить любой ценой». Если бы на его месте был я, то тоже прибегнул бы к подобному.

Мяо Гуан нахмурилась и прошептала:

— «Победить любой ценой»?

— Искусство войны Силэй никогда не покидало пределов страны, не удивительно, что принцесса не знает об этом. — Внутри Фэн Мин смеялся до колик и, оставаясь внешне невозмутимым, продолжал сгущать краски: — По правде сказать, знания Жун Тяня значительно лучше, чем у кого бы то ни было. До настоящего времени его свитков, где описывается искусство исчисления, насчитывается уже около трёхсот экземпляров, а его военных стратегий — сто восемь, и стратегия «выжить любой ценой», которая является сто седьмой в этом списке, — пустяк.

— Сто восемь стратегий? — Мяо Гуан широко распахнула глаза. Если Жун Тянь действительно такой сильный, в таком случае её старший брат-император сильно недооценивал его. Борьба с недооценённым по силе противником могла привести к поражению. По возвращении нужно сразу же отправиться к старшему брату-императору и всё рассказать. Однако она всё ещё разрывалась между верой и неверием Фэн Мину: — Если Жун Тянь обладает такими знаниями в искусстве войны, то почему он ещё не начал войну, завоёвывая все одиннадцать государств?

— А Вам, как и Вашему старшему брату-императору, нравится массовая гибель? — Пусть даже зная, что Жун Тянь рано или поздно завоюет все страны, Фэн Мин надевал на него личину совершенномудрого, который не погубит жизни других, который скорбит о мире и жалеет людей, попутно внушая Жо Яню, что у волчонка — волчье сердце. В итоге, искоса поглядев на Мяо Гуан, юноша сказал: — Принцесса не верит, что военное искусство Жун Тяня поражает?

На лице девушки появилась слабая улыбка, и, отвернувшись от Фэн Мина, Мяо Гуан холодно отчеканила короткий ответ:

— Пусть князь Мин говорит, что хочет.

— Хм, верите Вы или нет — неважно. — Фэн Мин отвернулся и, открыв рот, мелодично сказал: — Искусный полководец зачастую может оценить истинную силу и положение врага. Лишь после этого он может идти в бой.

— Грамотно править армией, чтобы твою тактику потом называли великой истиной.

Фэн Мин растянул губы в лёгкой и самоуверенной улыбке, продолжая беспрерывно цитировать «Повествование Чжугэ Ляна» [2], что до этого рассказывал принцессе:

— Истинному полководцу, чтобы предсказать победу или поражение, необходимо знать: во-первых, в каком государстве правитель мудрее? Во-вторых, у кого полководцы умнее? В-третьих, у кого командиры способнее? В-четвёртых, у кого больше припасов и провианта? В-пятых, чьи воины лучше обучены? В-шестых, чьи построения более организованны? В-седьмых, у кого боевые лошади быстрее? В-восьмых, чьё расположение более опасно? В-девятых, чьи помощники и союзники находчивее? В-десятых, чьи соседи более напуганы? В-одиннадцатых, у кого больше запасов и средств? В-двенадцатых, в чьём государстве спокойнее? Сопоставив положение по этим аспектам, можно с лёгкостью вычислить, кто сильнее, а кто слабее. — Собираясь покинуть дворец, юноша сразу же начал вспоминать «Повествование Чжугэ Ляна», и сейчас, рассказывая о двенадцати пунктах, Фэн Мин заметил, как лицо Мяо Гуан всё больше приобретало черты серьёзности, что его очень обрадовало.

Сейчас такая поистине лёгкая система искусства войны была огромной редкостью. Если бы Жун Тянь действительно мог обобщать приносящую свои плоды военную систему, то в военном искусстве ему не было равных. Объяви Силэй войну Ли, то последствий невозможно себе представить.

Мяо Гуан украдкой смотрела на Фэн Мина, глубоко радуясь, что он не умер от яда, иначе Силэй безусловно пошла бы войной на Ли. Немного поразмыслив, девушка возразила:

— Все эти истины просты для понимания, однако имеют мало здравого смысла, и только. Если князь Мин охотно согласится предоставить мне неопровержимые доказательства, подтвердив, что император Силэй и вправду такой сильный, тогда Мяо Гуан, как доверенное лицо старшего брата-императора, пожелает подписать договор, где даст обещание, что в период правления Жун Тяня страна Ли не будет идти войной на Силэй.

Если он покажет военные трактаты, то лисий хвост, в конце концов, обнаружится.

Фэн Мин надменно и холодно усмехнулся:

— Принцесса просто завлекает, желая услышать от меня побольше военных стратегий, и всё. На самом деле военные трактаты Жун Тянь спрятал в тайном месте где-то во дворце, я тоже лишь мельком их видел и не смогу рассказать Вам больше. К тому же зачем мне охотно соглашаться и что-то доказывать принцессе? Если Жо Янь действительно хочет овладеть знаниями Силэй, то пусть смело с войском приходит к нашим границам. Право слово, когда Жо Янь пойдёт войной на Силэй, тогда Ли падёт.

Последние два предложения были сказаны с такой мощью и уверенностью, что Мяо Гуан изменилась в лице.

Рядом стоящий Ле Эр открыл рот, но так и не проронил ни слова. Юноша никак не думал, что Фэн Мин сегодня проявит крайне великую мощь, повергнув в шок Мяо Гуан.

Как Мяо Гуан могла верить Фэн Мину, к тому же не увидев ни одной книги по военному искусству? Девушка легко улыбнулась, так не сказав ни слова.

— Я всё сказал, пускай принцесса разбирается сама, — вовремя смог остановиться юноша и, многозначительно поглядев на Ле Эра, с высоко поднятой головой покинул подземную тюрьму.

Выйдя из помещения, Фэн Мин тут же убрал строгость с лица и, пронзительно выкрикнув, громко рассмеялся, повернувшись к Ле Эру и говоря:

— Во всяком случае трудный момент позади, теперь Жо Янь не осмелится нанести удар по Силэй. Если некоторое время будет сохраняться нейтралитет, то Жун Тяню непременно удастся усилить мощь Силэй и достаточно подготовиться, чтобы завоевать Поднебесную. Ох, я несколько раз чуть не засмеялся, переживая все трудности, да так, что живот теперь болит. — Говоря это, юноша потёр свой живот.

Ле Эр довольно долго пребывал в оцепенении, но вскоре, открыв рот, промолвил:

— Князь Мин очень страшный.

— Страшный?

— Эти военные стратегии, о которых говорил князь Мин, действительно неслыханные и изумительные. С помощью князя Мина государь непременно сможет заполучить всю Поднебесную. — Ле Эр, выражая на лице глубокое почтение, серьёзно поглядел на юношу: — Способности князя Мина рано или поздно навлекут беды на другие страны, и каждая из них захочет уничтожить нашего князя, тогда Ле Эр непременно защитит князя Мина.

Чувство, что тебе поклоняются, было действительно потрясающим.

Хватаясь за уши и почёсывая щёки, Фэн Мин неловко проговорил:

— Эти военные стратегии на самом деле не мои...

Когда юноша говорил это, внезапно из-за декоративной горы, что располагалась на заднем дворе сада, вышел человек, который прервал беседу Фэн Мина и Ле Эра.

— Князь Мин здесь, я Вас искала. — Оказалось, что это была приближённая служанка вдовствующей императрицы, Сян Фэнь. Ловко поприветствовав Фэн Мина, девушка звонко и мелодично произнесла: — Вдовствующая императрица просит прийти князя Мина, сказав, что

несколько дней не видела его и хочет кое о чём поговорить с ним.

Фэн Мин с удивлением моргнул.

Он и вдовствующая императрица хоть и жили под одной крышей дворца, только встречались крайне редко. О чём хочет поговорить мать императора?

Ле Эр спросил:

— Что за дело у неё к князю Мину?

— Наверное, она хочет угостить его новым ароматным чаем. Вдовствующая императрица сказала, что пить чай в одиночестве — неинтересно, государь слишком занят делами страны, поэтому она хочет найти князя Мина, чтобы вместе с ним попробовать этот чай.

Фэн Мин до сих пор со страхом вспоминал то, что произошло с Ань Сюнем, но в душе он очень сочувствовал несчастливому браку матери императора. Говоря начистоту, она сделала это ради своего сына, к тому же тот яд также был не настоящим. Испокон веков женщины, находясь во внутренних покоях дворца, были крайне несчастны, с душевной пустотой глядя на свою одинокую старость.

Фэн Мин кивнул Сян Фэнь:

— Хорошо, я иду.

— Князь Мин, я составлю Вам компанию.

Сян Фэнь была любимицей вдовствующей императрицы и, совершенно не боясь Ле Эра, сказала со смехом:

— Вдовствующая императрица не заваривала ароматный чай на твою долю, зачем тебе туда идти? Князь Мин будет во дворце, боишься, что он потеряется?

— Но...

— «Но» что? Тебе известны отношения между императором и князем Мином, император является сыном вдовствующей императрицы, а князь Мин является для императрицы... — Тут Сян Фэнь не удержалась от смеха, но не осмелилась сказать «снохой». Косо поглядев на Ле Эра, девушка прикусила губу и произнесла: — Это их семейные тайны, тебе-то зачем их слушать?

Уши стоящего в стороне Фэн Мина покраснели, да так, что и шея покрылась румянцем, а сам юноша сразу же покорно проронил:

— Я сейчас приду. Ле Эр, а ты отправляйся во дворец наследного принца.

Ле Эр знал, что вдовствующая императрица из-за Жун Тяня ни в коем случае не навредит Фэн Мину, и, тоже не особо волнуясь, юноша кивнул и удалился.

А сам Фэн Мин последовал за Сян Фэнь в опочивальню вдовствующей императрицы.

В опочивальне стояла курильница, стоило только переступить порог комнаты, как сразу чувствовался аромат благовония, который снимал почти всё напряжение в теле, даря успокоение.

— Приветствую вдовствующую императрицу.

— Князь Мин пришёл? — Мать-императрица со смехом кивнула и, попросив Сян Фэнь поставить стул рядом с собой, произнесла, указывая: — Присаживайтесь.

— Слушаюсь. Благодарю вдовствующую императрицу. — И Фэн Мин покорно опустился на стул.

— Сян Фэнь, налей ароматного чая и подай князю Мину.

— Благодарю вдовствующую императрицу.

«Почему вдовствующая императрица сегодня такая приветливая? Даже когда я играл роль её сына, она ко мне не относилась так радушно». — Беспечный по характеру Фэн Мин немного удивился, но вскоре отпустил эти мысли. Увидев в руках вдовствующей императрицы иголку с нитками, юноша любопытствовал:

— Вдовствующая императрица шьёт себе наряд?

— Я стара, зачем мне наряды? — Заметив, что Фэн Мин спросил именно тогда, когда она шила, женщина подняла вещь, показывая юноше: — Этот пояс для Его Величества. Фактически не обязательно было его шить самостоятельно, только я совершенно не занята, вот и решила сшить в надежде на то, что он будет носить его до самой старости.

Между слов чувствовалось проявление материнской заботы, Фэн Мин, который с самого начала являлся сиротой, слушая её, был тронут до глубины души и немного приблизился к вдовствующей императрице. Взяв из рук ещё незаконченный пояс, юноша вздохнул, приговаривая:

— Красиво, вдовствующая императрица действительно очень добра к Жун Тяню. — «Если у меня была бы мама, то она наверняка тоже всегда оберегала бы меня от людей, что хотели причинить мне вред. И кто знает, может, она тоже ради моего будущего пожертвовала бы кем-то». — Подумав об этом, юноша больше не чувствовал в душе обиды за то, что вдовствующая императрица позволила тогда Ань Сюню, желавшему убить её «сына», проткнуть Фэн Мина дважды кинжалом.

Вдовствующая императрица сказала, смеясь:

— Князю Мину очень понравилось? Я для него тоже сделала. — Сян Фэнь поднесла бирюзовый пояс и вручила Фэн Мину.

Юноша поглядел на изящно сшитый и действительно красивый пояс.

— Вдовствующая императрица, это... — Ему с детства никто и никогда не шил ничего; когда он жил в приюте, ему приходилось носить то, что люди жертвовали в помощь сиротам. Сейчас, держа в руках пояс, юноша чувствовал тепло, охватывающее тело, и его глаза покраснели.

— Я так внезапно преподнесла это князю Мину, что князь Мин наверняка изумился. Думает, что я проявляю такую сердечность, имея какие-то скрытые намерения. — Вдовствующая императрица искренне сказала: — Князь Мин, надо полагать, знает, что Жун Тянь как-то раз пригрозил мне: он хочет, чтобы я смотрела на князя Мина как на своего сына, иначе наши с ним отношения матери и сына будут разорваны.

— А? — Фэн Мин вздрогнул.

Мать-императрица блекло и горько улыбнулась:

— Князь Мин тоже очень удивлён? Жун Тянь действительно сказал это мне, своей матери, которая всеми силами и помыслами направлена к нему. Эти слова прозвучали не один раз, они прозвучали дважды. Первый раз после смерти Ань Сюня, тогда князь Мин всё ещё был без сознания, и второй раз, когда я хотела, чтобы он подумал о женитьбе.

Фэн Мин ещё сильнее расчувствовался, на сей раз не из-за матери-императрицы, а из-за постоянно молчаливого Жун Тяня.

Мать-императрица выпустила из рук чашку чая и, смерив Фэн Мина внимательным взглядом, внезапно тяжело вздохнула:

— Князь Мин является действительно редким красавцем. Собственный сын полюбил Вас сильнее, чем родную мать. Если бы я была достаточно жестокой, то сразу же воспользовалась моментом и убила бы тебя, чтобы устранить грядущие бедствия.

Фэн Мин вздрогнул всем телом и сразу же поглядел по сторонам, выискивая какую-либо угрозу.

Мать императора заметила его наивные манеры и, улыбнувшись, тихо сказала:

— Князь Мин должен успокоиться, ради Жун Тяня я никоим образом не наврежу князю Мину. На этот раз я пригласила князя Мина, чтобы попросить его кое о чём.

Наконец-то она перешла к основной теме. Фэн Мин сразу же сосредоточился и открыл рот:

— Какие приказания будут у вдовствующей императрицы?

— Я хочу попросить князя Мина предложить Жун Тяню найти в будущем, ради Силэй, императрицу.

— Императрицу? — Пусть даже Фэн Мин уже заранее был готов к подобному, однако всё равно невольно слегка обомлел. В конце концов, эта тема всё же была неизбежна. Фэн Мин горько улыбнулся: — Не лучше ли это дело обсудить с самим Жун Тянем?

— Это дело только князь Мин может обсудить с Жун Тянем, вразумив его. Другие не смогут с этим справиться, даже я. — С лица матери императора не сходила горькая улыбка: — Князь Мин наверняка понимает саму суть лучше меня.

Юноша медленно кивнул и тяжело вздохнул:

— Верно, я понимаю.

Мать императора сжала руки Фэн Мина, говоря:

— Князь Мин, я знаю, что Вы тоскуете по государю. Государю нужно оставить потомство, после ему не нужно будет ложиться с ней в постель ещё раз. В душе я понимаю, что ты навсегда будешь единственным для Жун Тяня. Скажу откровенно: прежний император тоже всей душой любил мужчину.

— Отец Жун Тяня?

— На самом деле все старые придворные знали, что прежний император очень любил не меня, а старого князя Жуна.

Фэн Мин вскрикнул:

— Старого князя Жуна?

— Верно. — Мать императора встревоженно поглядела в пустоту, словно вспоминая ушедшие дни, беззаботно говоря: — На самом деле правитель женился на мне лишь по совету старого князя Жуна. После рождения Жун Тяня государь больше не сближался со мной. Поэтому в самый опасный час для страны я спокойно отдала своего сына старому князю Жуну, поскольку он ради императора совершенно не мог навредить моему Жун Тяню. Так же как и я ради Жун Тяня не причиню князю Мину вреда. — Она решительно отвергла любовь Ань Сюня не из-за любви к правителю, а ради родного сына и преданности своей стране.

Много лет преданная императрица Мо Лань не позволяла никому уничтожить императорский род Силэй у неё на глазах.

— Я хочу спросить князя Мина: Жун Тянь, император Силэй, должен оставить после себя потомство или нет?

— Должен.

— Желая оставить потомство, не нужно ли ему жениться?

— Нужно.

— Помимо князя Мина, есть ли кто-то, кто смог бы уговорить Жун Тяня жениться?

—...Нет.

— В таком случае князь Мин... — Мать императора, останавливаясь после каждого слова, искренне смотрела на Фэн Мина: — Князь Мин может согласиться ради наследников Жун Тяня уговорить его жениться?

Самолично упросить Жун Тяня жениться? Зрачки Фэн Мина резко сузились.

По всему телу прошёл мороз, парализуя почти все нервы, лишь мысли в голове волнами вздымались и опускались. Женить — это всё равно что взять Жун Тяня и толкнуть в чужие объятия. А если не женить, то что станет со страной, в которую Жун Тянь вкладывает столько сил?

На благородном лице матери императора появилась мольба, и женщина вновь тихо спросила:

— Князь Мин, Вы можете согласиться ради наследников Жун Тяня уговорить его жениться?

Герои должны запечатлеть своё имя в анналах истории, должны тысячи лет почитаться людьми и должны оставить после себя наследников.

Жун Тянь, он являлся истинным героем.

Сердце Фэн Мина покрылось толстым слоем льда.

Размяв затекшую шею, юноша наконец вздохнул:

— На счёт этого дела прошу вдовствующую императрицу пощадить меня и позволить ответить ей завтра. Я... я хочу хорошенько всё обдумать.

Выпустив из рук чайную чашку, юноша поклонился вдовствующей императрице в знак прощания.

Женщина ненадолго остановила свой взгляд на Фэн Мине и, кивнув, произнесла:

— Пусть князь Мин хорошенько всё обдумает, я буду ждать Вашего ответа. Однако, согласится ли князь Мин или нет, не нужно говорить об этом Жун Тяню. Если он узнает, что это я ради него иду на такой шаг, то он может возненавидеть меня. Увы, быть матерью сложно.

— Я не скажу ни слова Жун Тяню. — Фэн Мин взял пояс, что сшила мать императора, и, смело подняв голову, заглянул в полные беспокойства за будущее Жун Тяня глаза вдовствующей императрицы. В одночасье нахлынули разные чувства. Не зная, что сказать, Фэн Мин невольно прошептал:

— «У любящей матери в руках нить,

Одежду для сына она готовит,

Перед его дорóгой стежок за стежком прошивает,

Боясь, что задержится он с возвращением» [3].

Возможно ли мизерной детской привязанностью отблагодарить всепоглощающую материнскую любовь? Мать императора старается, я понимаю, ах, все родители достойны восхищения. Вдовствующая императрица должна беречь себя. Ну а Фэн Мин покидает Вас. — Взяв пояс и сунув его за пазуху, юноша слегка деланно улыбнулся женщине и вышел прочь.

Вдовствующая императрица смотрела, как удаляется силуэт Фэн Мина, бормоча его стих:

— «У любящей матери в руках нить,

Одежду для сына она готовит...»

Сян Фэнь, встав рядом со вдовствующей императрицей и вместе с ней глядя на удаляющегося Фэн Мина, тихо сказала:

— Глянь на него — так ничего особенного, а сегодня, похоже, стало ясно, что всё же государь оказался предусмотрительным: князь Мин и в самом деле потрясающий. Вдовствующая императрица, как по-Вашему, князь Мин сильно обиделся? И согласится ли?

— Рано или поздно кому-то всё же придётся быть обиженным. — Мать императора тихо промолвила: — Он, конечно, согласится. Рассматривая вдоль и поперёк общее положение дел, князь Мин кажется простым, но в сравнении со старым князем Жуном он умнее. Мои глаза не могут ошибаться.

— Если это так, то, как бы там ни было, мать императора может вздохнуть с облегчением.

— Угу. — Вдовствующая императрица слабо улыбнулась: — Если такой человек на стороне моего сына и помогает ему, то я, несомненно, могу быть спокойна.

Примечание:

[1] Обр. в знач. «биться не на жизнь, а на смерть»; «победа или смерть». Эта отсылка к 28 стратагеме.

[2] Чжугэ Лян (181-234 гг.), герой классического романа «Троецарствие», полководец, государственный деятель царства Шу.

[3] Песнь странствующего сына. Автор: Мэн Цзяо.

<http://bllate.org/book/13377/1190082>